

БЫЛИНЫ

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

ДРЕВНЕРУССКИЕ
ПОВЕСТИ

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1979

ИЗ «МОЛЕНИЯ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА»

Вострубим, как в златокованные трубы, во все силы ума своего и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань слава моя, восстань в псалтыри* и гуслях. Встану рано и раскрою в притчах загадки мои и возведу в народах славу мою.

Был язык мой как трость* книжника-сорописца, и приветливы уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние — младенцев о камень*.

Но боюсь, господине, осуждения твоего. Ибо имею сердце — как лицо без глаз, и ум мой — как ночной ворон, на развалинах бодрствующий. И закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестием; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона*.

Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей, как рабыня Агарь от Сарры, госпожи своей*.

Но видел, господине, твое добросердечие ко мне и прибег к всегдашней любви твоей. Ибо говорится в Писании: просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь царствия небесного. Ибо писано: возложи на бога печаль свою, и тот тебя напичает вовеки.

Ибо я, господине, как трава сорная, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не огражден я страхом грозы твоей, как оплотом твердым.

Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных — не падают они, не сеют, но уповают на милость Божию; так и мы, господине, ищем милости твоей.

Ибо, господине, кому Переяславль, а мне гореславль; кому Боголюбово, а мне горе лютее; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее. Кому Лаче-озеро*, а мне, на нем живя, плач горький, ибо не расцвело счастье мое.

Друзья мои и ближние мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многоразличными яствами. Многие ведь дружат со мной, опуская руку со мной в солонку*, а в несчастье оказываются врагами и даже помогают подкосить меня под ноги. Глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мной. Потому-то не имей веры к другу и не надейся на брата.

Мудрые мужи говорят: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Как и Соломон* говорил: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, господи: если буду богат, — гордостью вознесусь, если же буду беден, — задумаю воровство или разбой».

Вот почему взываю к тебе, одержим нищетою: помилуй меня, сын великого царя Владимира, да не восплачусь, рыдая, как Адам о рае; пусти тучу на землю убожества моего.

Ибо, господине, богатый муж везде введом — и на чужой стороне друзей держит, а бедный в своей стороне ненавидим ходит. Богатый заговорит — все замолчат и вознесут речь его до небес; а бедняк заговорит — все на него закричат. Чьи ризы¹ светлы, тех и речь честна.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.

Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь мечут. Так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей.

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует. Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а о своей не может смыслить. Злато плавится огнем, а человек напастями. Пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в печали обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль — человека. Печаль человеку кости сушит.

Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день.

Птица радуется весне, а младенец — матери. Весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостию своею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.

Княже мой, господиче! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой как плод райский.

Когда веселишься за многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в незаветренном месте. Когда же лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платом лежащего, и от стужи цепенеющего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.

Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дома не истощить. Как невод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

Паволока, расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает; так и ты, княже, многими своими людьми честен и

---

¹ Р и з ы — одежды.

славен во всех странах являешься. Некогда ведь похвалился царь Езекия* перед послами царя вавилонского и показал им множество золота и серебра. Они же сказали: «Наш царь богаче тебя не множеством золота, но множеством воинов, ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть». Как сказал Святослав, сын Ольгин*, когда шел на Царьград с небольшою дружиною: «Братья! Нам ли от города погибнуть, или городу от нас быть плененну?» Как бог повелит, так и будет: погонит один сто, а от ста погибнут тысячи.

Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать. Часто из-за неурядицы полки погибают. Видал: огромный зверь, а головы не имеет, так и многие полки без хорошего князя.

Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится крепкими жилами. Дуб силен множеством корней, так и град наш — твоим управлением.

Ибо щедрый князь — отец многим слугам. Хорошему господину служба, дослужишься свободы, а злому господину служба, дослужишься большего рабства. Ибо щедрый князь — как река, текущая через дубравы, утоляющая жажду не только людей, но и зверей. А скупой князь — как река в каменных берегах: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый — как колодец с пресной водой при дороге: многих напоят; а боярин скупой — как колодец соленый.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжого села: ибо тиун его — как огонь, на осине разожженный, а рядовичи* его что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устеречься и одежду прожжешь.

Господине мой! Не лиши хлеба мудрого нищего, не вознеси до облак глупого богатого. Ибо нищий мудрый — что золото в навозном сосуде, а богатый разодетый да глупый — что шелковая наволочка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я внутри. Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом обилен; юн возрастом, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе.

Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Ибо глупых не сеют, не жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят. Как в дырявые меха* вино лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупому — мудрых слов. Мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь. Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится.

Неужели скажешь мне: «От глупости все это мне наговорил?» Неужели скажешь мне: «Солгал как пес?» Но хорошего пса

князя и бояре любят. Неужели скажешь мне: «Солгал как вор?» Если бы украсть умел, то к тебе бы и не взывал. Девушка ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество — воровством.

Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаясь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишен будет.

Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь*, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни работа в работах — для женок повоз возить*.

Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради. Видал жену безобразную, прикинувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотришь в зеркало — увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой, у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней — заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, засада от спасения.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай бог ему лихорадкою болеть, и да будет он проклят.

Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить: железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

Но вернемся к прежнему. Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела — припадая к разным цветам, собирает она мед в соты: так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их собрал, как в мех воды морские.

Скажу не много еще. Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему. Не стану с ним много говорить. Да не буду как мех дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновам, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом; да не окажусь ненавистным миру многословною своею беседою, подобно птице, частящей свои песни, которую вскоре же ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсона, храбрость Александра, разум Иосифа, мудрость Соломона, искусность Давида* и умножь, господи, всех людей под властью его. Богу нашему слава, и ныне, и присно, и вовеки.